

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ БУДДИЗМА В ОРЕНБУРГСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ (1906-1917 ГГ.)

С.В. ДЖУНДЖУЗОВ

Оренбургский государственный педагогический университет

e-mail: Djund@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы конфессиональной организации казаков-калмыков Оренбургского казачьего войска, добившихся разрешения на переход из православия в буддизм (ламаизм). Отсутствие руководящих предписаний со стороны правительства и давление, оказываемое Епархиальным комитетом Православного миссионерского общества, создавали затруднения для надления буддистских общин правовым статусом религиозной организации. По этой причине оренбургские буддисты были ограничены в реализации своих гражданских прав и религиозных потребностей.

Ключевые слова: буддизм (ламаизм), калмыки, казаки, Оренбургское казачье войско, вероисповедание, миссионер.

Приверженцами тибетского буддизма (ламаизма) в Оренбургском войске являлась небольшая группа казаков-калмыков, отпавших от православия после издания 17 апреля 1905 г. указа о веротерпимости. По сведениям Оренбургского епархиального комитета к 1915 г. из 978 казаков калмыцкого происхождения буддистами стали 254 человека и еще 211 человек числились в колеблющихся, не добившихся официального разрешения на смену вероисповедания¹.

Проблемы конфессиональной организации и религиозного быта оренбургских буддистов совсем недавно попали в поле зрения историков. К настоящему времени результаты исследования данной проблематики представлены в двух публикациях: С.В. Джунджузова «Конфессиональная организация оренбургских калмыков ламаистов в начале XX века»² и Е.М. Есиковой «Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди калмыков Оренбургской епархии (1859-1917 годы)»³.

В своих религиозных пристрастиях оренбургские калмыки почти никогда не выходили за пределы правового поля. Исполнение христианских обрядов и показная почтительность в отношении приходского клира отводили от них подозрения в неблагонадежности. Ходатайства об изменении вероисповедания калмыки начали подавать в 1906 г. – через год после издания Указа об укреплении начал веротерпимости.

Первое буддистское общество на войсковой территории было зарегистрировано в поселке Варшавском уже в 1906 г. В 1915 г. в нем числилось 30 человек – 13 мужчин и 17 женщин. А вот следующая община, в поселке Толстинском, появилась только через пять лет – в 1911 г. ⁴

Между подачей ходатайства и официальным признанием за калмыками права на исповедание религии предков лежали годы бескомпромиссной борьбы с бюрократическими препонами. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы дела «О переходе казаков Измаильского поселка Кизилской станицы в Дала-ламскую веру»⁵. Прощение, подписанное пятнадцатью казаками-калмыками, было подано в Войсковое хозяйственное правление ОКВ в конце 1906 г. Просители доказывали, что они, как и их предки, несмотря на принятие в 1737 г. православного христианства, всегда оставались приверженцами ламаизма, а проповедуемое православными священниками христианское вероучение «к совести не принимали». В качестве гаранта свободы вероисповедания и своего высочайшего покровителя калмыки пытались выставить самого Николая II. Они выражали

¹ Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 12.

² Джунджузов С.В. Конфессиональная организация оренбургских калмыков ламаистов в начале XX века // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института народов Оренбуржья им. Мусы Джалиля. Вып. 4. Оренбург, 2004. С. 99-124.

³ Есикова Е.М. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди калмыков Оренбургской епархии (1859-1917 годы) // Вестник ЧелГУ. История. 2009. Вып. 34. №28 (166). С. 134-141.

⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1102. Л. 21.

⁵ Там же. 1. Д. 828.

уверенность, что «основные законы Империи самыми ясными и категорическими словами повелевают, чтобы православные и иноверные подданные Его Величества вполне свободно и ревностно исповедовали свои религии. Таким образом, положение наше в отношении вероисповедания следует считать вполне обеспеченным и не допускающим никаких неопределенностей». Подписавшие прошение калмыки просили наказного атамана исключить их и их семьи из метрических православных списков, а также чтобы в будущем местные чиновники и православное духовенство относились к ним не как к отпавшим от православия, а как к коренным «дала-ламаистам» и не вмешивались в их религиозные дела. Все это подытоживалось риторическим предложением об освобождении ради справедливости, гуманности и свободы вероисповедания от всяких притеснений и преследований⁶. По поводу поданного вероотступниками прошения уездным исправником было произведено полицейское дознание. Полиция, естественно, заинтересовалась отношением калмыков к православию до принятия указа о веротерпимости. Из представленного Обручевским приходом Донесения следовало, что и в прежние времена прихожане-калмыки уклонялись от исповеди и святого причастия. Остальные обряды православной церкви ими хотя и исполнялись, но, как подчеркивалось, с неохотой и под угрозой наказания. Рассмотрение Прошения калмыков Измаильского поселка заняло пять с половиной лет. Резолюция с положительным для калмыцких просителей решением была принята Оренбургским губернским правлением 12 мая 1912 г. К этому времени из пятнадцати подписавших ходатайство калмыков двое умерли, а один отказался менять вероисповедание⁷.

К середине второго десятилетия XX в. правом на смену вероисповедания воспользовалась четвертая часть калмыцкого населения Оренбургского войска. Ими было образовано четыре общины, в поселках: Варшавском, Измаильском, Кулевчинском и Толстинском. Последующие действия оренбургских калмыков-ламаистов были направлены на признание за их общинами статуса прихода и предоставления им права регистрировать акты гражданского состояния, строить храмы, открыто собираться на богослужение и свободно отправлять религиозные обряды. Так, калмыки, жители Кулевчинского поселка Николаевской станицы 28 декабря 1914 г. составили общественный приговор, в котором просили официального утверждения в должности священнослужителя исполнявшего обязанности гелюнга казака Филиппа Федорова Бараслана⁸.

За содействием в урегулировании организационных вопросов оренбургские калмыки обращались и к духовным лидерам калмыцких буддистов – бакше донских калмыков и верховному ламе калмыцкого народа.

Собственно Докладная записка бакши донских калмыков Менке Бакаровича Борманжинова от 9 сентября 1910 г. положила начало переписке «Об устройстве духовного управления для буддистов Уральского и Оренбургского казачьих войск»⁹. Борманжинов заострял внимание на отсутствии у местных калмыков регламентированного законом духовного устройства. К нему он относил неопределенность штатного состава духовенства и порядка утверждения священнослужителей в духовном звании. В случае неконтролируемого роста числа лиц, посвященных в духовные звания, их содержание становилось обременительным для калмыков. Ввиду малочисленности оренбургских буддистов, бакша считал возможным не учреждать для них особого хурула (*монастыря* – *С.Д.*), а ограничиться молитвенным домом. Назначение священнослужителей должно было определяться первосвященником того ведомства, к которому будут присоединены оренбургские буддисты.

Как оренбургских, так и уральских буддистов М.Н. Борманжинов просил передать под его духовное попечение поскольку они «находятся в совершенно одинаковых условиях быта, гражданских и военных обязанностей и общественного устройства с донскими калмыками». Со своей стороны бакша донских калмыков обязался упорядочить посвя-

⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1102. Л. 17-18.

⁷ Там же. Л. 19, 35.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 3465. Л. 38.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1102.

щения в духовные звания манджиков, гецулей и гелюнгов, включить их в определенный законом штат и контролировать их деятельность¹⁰.

7 ноября 1913 г. за разъяснениями к наказному атаману Оренбургского войска о положении местных калмыков и их подчинении по духовным делам, обратился лама калмыцкого народа Чимид Балданов¹¹.

В правовом урегулировании положения оренбургских буддистов была крайне заинтересована и сама губернская администрация. Но так как вопрос этот выходил за рамки ее компетенции, то за инструкциями оренбургские губернаторы обращались в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.

Наиболее емкий запрос по этому поводу был направлен 16 ноября 1911 г. губернатором Н.А. Сухомлиновым. Он просил разъяснений – будет ли возложено управление духовными делами ламаистов на губернское начальство? Интересовался требованиями к устройству культовых зданий, назначением на штатные должности должностных лиц и существующей между ними иерархией, ставил вопрос о преподавании буддийского вероучения в школе. В заключении Н.А. Сухомлинов рекомендовал Департаменту назначить компетентное лицо для перевода религиозных текстов и составления на их основе краткого руководства, «так как без необходимых познаний вековая борьба церкви с невежественной религией будет и впредь бесплодна, как она была в течение 300 лет»¹².

В ожидании распоряжений оренбургские губернаторы еще трижды – 13 марта 1913 г., 2 февраля 1915 г. и 16 сентября 1916 г. – обращались в Департамент духовных дел. Ответ был получен лишь однажды. 19 июня 1913 г. вице-директор Департамента уведомил Н.А. Сухомлинова, что «вопрос об урегулировании духовного быта оренбургских ламаистов находится в настоящее время в стадии необходимых междудеятельственных сношений, почему пока не могут быть сообщены Вашему Превосходительству соответственные указания»¹³. «Согласование» без принятия каких-либо законодательных актов, видимо, продолжалось вплоть до февральской революции 1917 г. В результате анализа указанной переписки, и изучения других похожих ситуаций, оренбургский историк С.В. Любичанковский пришел к выводу о неэффективности деятельности губернских правлений в сфере регулирования конфессиональных отношений в Уральском регионе¹⁴.

Затягивание с официальным решением о причислении «колеблющихся» калмыков к буддизму-ламаизму привело к тому, что они перестали считаться с необходимостью в каком-либо разрешении. В итоге, как и буддисты, калмыки, оставшиеся формально православными, стали игнорировать христианские обряды. Умерших хоронили без священника, молодые вступали в брак, ограничиваясь согласием стариков, крещение детей и метрические акты перестали для них иметь обязательный характер¹⁵.

Легализация тибетского буддизма, выявила несовместимость интересов государства и Русской православной церкви, представленной в данном случае Оренбургской епархией. Первое, позволив оренбургским калмыкам изменить вероисповедание, вынуждено было искать способы к упорядочению их религиозной жизни, придать ей легитимный характер, поставить деятельность ламаистского духовенства под государственный контроль. Вторая усматривала в правительственных начинаниях угрозу окончательной утраты духовного влияния на калмыцкое население, а вслед за ним и полного отпадения калмыков от православия.

Наиболее последовательно интересы государства в «буддийском вопросе» выражал, член Совета при министре просвещения, видный российский востоковед, профессор Алексей Матвеевич Позднеев. В 1911 г. им была предпринята экспедиция к терским, уральским и оренбургским калмыкам. Он побывал в нескольких поселках Оренбургского казачьего войска, беседовал с представителями калмыцкого духовенства и рядовыми калмыками, выслушал множество жалоб на притеснения и просьб о содействии.

¹⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1102. Л. 3-4об.

¹¹ Там же. Л. 13-13об.

¹² Там же. Л. 7-10.

¹³ Там же. Л. 11, 12, 16.

¹⁴ Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892-1914 гг.): монография. Самара; Оренбург, 2007. С. 291-292.

¹⁵ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 149. Л. 146об.

В анализе причин достаточно массового отпадения калмыков от православия А.М. Позднеев сделал упор на неспособности оренбургского православного духовенства противостоять этому процессу. В то же время он нашел множество несоответствий в представлениях калмыцких священников об обрядовой и догматической сторонах ламаистского учения действительному содержанию этой религии. Рассказы калмыков убедили Позднеева, что инициатива возвращения к религии предков была «чисто местная – оренбургская калмыцкая и имела одни и те же исторические и бытовые основы». Он предлагал поставить над калмыками-ламаистами лояльного властям верховного жреца или ламу. В его обязанности, помимо посвящений в духовные звания и выдачи соответствующих грамот, должно было входить и «наблюдение за состоянием оренбургского ламаистского духовенства»¹⁶. Ведение дел оренбургских калмыков-ламаистов А.М. Позднеев советовал поручить отличавшемуся законопослушностью и знанием ламаистского вероучения бакше (*ламе-учителю* – С.Д.) донских калмыков Борманджинову¹⁷.

Те же калмыки, которые заявили о своей полной отчужденности от ламаизма и преданности православию, должны были быть поручены попечению христианских пастырей. Сохранение оренбургских калмыков в лоне христианской церкви Позднеев ставил в прямую зависимость от организации и уровня подготовки православных миссионеров. Они должны были хорошо разбираться в догматах буддизма-ламаизма, владеть калмыцким языком, знать обычаи и традиции калмыцкого народа¹⁸. Из рекомендаций А.М. Позднеева осуществилось только назначение православного миссионера.

В 1911 г., с опозданием более чем на полвека, наличие религиозного сепаратизма среди оренбургских калмыков вынужден был признать Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества. Впервые в официальном документе, исходившем из недр Оренбургской епархии¹⁹, обращалось внимание на такие негативные явления, как формальное отношение крещеных калмыков к отправлению православных обрядов, отказ от соблюдения постов, уклонение от посещения церковной службы и пр.

Восстановить былые позиции и вернуть калмыков-вероотступников в лоно христианства Епархиальный комитет надеялся посредством назначения специального миссионера. Наиболее подходящим лицом для миссионерской деятельности среди калмыков членом Комитета представлялся «инок-иеромонах, свободный от уз семьи и не требующий для себя слишком больших материальных затрат»²⁰. В соответствии с выдвинутой Епархиальным комитетом инициативой в пределах Троицкого, Верхнеуральского и Орского уездов был образован отдельный противоламаистский миссионерский округ. В него вошли 21 казачий поселок, имевшие в своем составе калмыцкое население. 23 сентября 1914 г. на должность окружного миссионера был назначен переведенный из Забайкальской епархии Иоанн Харитонов, одновременно состоявший священником кулевчинской Казанско-Богородической церкви. В поселке Кулевчинском к этому времени сменили вероисповедание 120 казаков-калмыков – 62 мужчины и 58 женщин²¹. Должность окружного миссионера И. Харитонов исполнял два года. 27 сентября 1916 г. он был назначен полковым священником в расквартированный в Челябинске 163-й пехотный запасный полк²².

При сопоставлении отчета А.М. Позднеева с материалами отчетов окружного миссионера обнаруживается замечательная заочная полемика выражавшего интересы государства чиновника-интеллектуала и профессионального православного миссионера, ревностно отстаивавшего прерогативы Русской православной церкви.

Взгляды Харитонova на основную причину массового отпадения калмыков от православия диаметрально отличались от заключения А.М. Позднеева. Из общения с

¹⁶ Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (далее АВ ИВР РАН). Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л. 95об.

¹⁷ Там же. Л. 96.

¹⁸ Там же. Л. 97.

¹⁹ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1911 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. 1912. С. 390-398.

²⁰ Там же. С. 398.

²¹ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1914 г. Оренбург, 1915. С. 7.

²² ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 149. Л. 174.

калмыками православный миссионер сделал вывод, что побудить их к смене вероисповедания могло только внешнее воздействие. Особое беспокойство отца Иоанна вызывали участвовавшие наезды к оренбургским калмыкам буддистских проповедников из Забайкалья. Приезжие ламы, по словам Харитонов, внушали калмыкам, что «каждая народность имеет свой характер, и каждый народ должен стремиться к самостоятельной творческой жизни. Путь к культурной жизни должен протекать без давления с чьей бы то ни было стороны. Поэтому забота об инородцах как духовного, так и гражданского начальства истолковывается инородческими прогрессистами как вторжение в их самобытную жизнь. Что, по их мнению, обезличивает и парализует творческую деятельность инородческого населения»²³.

В один ряд с приезжими ламаистскими проповедниками И. Харитонов поставил и самого профессора А.М. Позднеева, так как массовые отпадения из православия в ламаизм произошли именно в тех поселках, которые он посетил. По собранным миссионером сведениям, Позднеев разъяснял сущность буддийского вероучения, говорил об исполняемых ламаистами обрядах. В будущем он обещал продолжить консультировать оренбургских ламаистов по вопросам религиозного культа, выслать план кумирни-хурула и поддержать ходатайства о его строительстве. Вдохновленный обещаниями А.М. Позднеева, возглавлявший ламаистскую общину Измаильского поселка бакша Егор Туматов начал собирать пожертвования на построение кумирни и склонять православных калмыков к переходу в ламаизм²⁴.

К факторам негативного внешнего воздействия на мировоззрение калмыков И. Харитонов относил также нравственную и религиозную распущенность отдельных представителей соседствующего русского населения. В вину последним он ставил увлечение освободительным движением, отрицание существования бога и «насмехание над всем, что есть свято и дорого для каждого православного христианина»²⁵.

Своими главными противниками в борьбе «за души заблудших калмыков» отец Иоанн считал местных буддистских священников и их приверженцев. В миссионерском отчете за 1915 г. он указывал, что руководят распространением «идолопоклоннической» религии бывший помощник атамана Николаевской станицы Михаил Борослан, его брат Филипп Борослан, казаки: Кулевчинского поселка Яков Кубион, Лейпцигского – Иван Босанов, Толстинского – Корнелий Жемчужев, Веринского – Герасим Ишеев, Варшавского – Афанасий Бошаидыков и самозванный «бакша», казак Измаильского поселка Егор Туматов. Окружной миссионер уверял, что антиправославное движение поднято было ими только из честолюбия, «ибо других причин быть не может, потому что все местные калмыки решительно ничего не мыслят в буддо-ламаизме». Выбрав в качестве мишени гелюнга Кулевчинского поселка Я. Кубиона, он доносил в Епархиальный комитет, что совращение калмыков «в буддоламаизм, дают ему дерзость, не считаясь ни с чем и обходя закон, действовать на психику местных калмыков просто нахальством, против чего действительным оружием может являться только применение к Кубиону административных мер»²⁶.

В то же время, несколько противореча своим прежним высказываниям, Харитонов признавал, что возглавляемая гелюंगाми ламаистская организация издревле существовала у оренбургских калмыков. Еще тогда «некрепкие в православии» калмыки «тайно исполняли обряды ламаистского идолослужения». Но в те времена, как считает Харитонов, вероотступников было немного. С обнаружением Указа о веротерпимости «идолослужение и совращение из православия стало делом явным и никем не воспрещенным». Ламаисты стали группироваться в религиозные общины и через них оказывать сильное влияние на православных сородичей. Последние, по словам отца Иоанна, легко поддавались пропаганде этих общин. К тому же русское население, вместо нравственной поддержки православных калмыков, относилось к ним с пренебрежением, ставя им в вину нечистоплотность и неразборчивость в еде²⁷.

²³ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 50б.

²⁴ Есикова Е.М. Указ. соч. С.138.

²⁵ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 6.

²⁶ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1914 г. С. 8.

²⁷ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 60б.

И. Харитонов, а с его подачи и Епархиальный комитет, стремились представить распространение ламаистского движения среди оренбургских калмыков не столько движением религиозным, сколько политическим, подогреваемым извне. А ведь известно, что всякое политическое движение, не санкционированное Правительством, рассматривалось в Российской империи как антигосударственное, подрывающее основы существующего строя. Следовательно, если Правительство, как заинтересованная сторона, поддерживает оренбургских миссионеров и воспретит ламаистским проповедникам беспрепятственно посещать местных калмыков, то отступническое движение «не только не получит дальнейшего движения, но и отступившие калмыки возвратятся в лоно Православной церкви»²⁸.

Не имея возможности открыто критиковать Указ о веротерпимости как волю верховной власти, отец Иоанн обращает внимание на многочисленные случаи нарушения важнейшего его постулата – принципа добровольности. На примере составленного казаками-калмыками Кулевчинского поселка прошения о разрешении на смену вероисповедания Харитонов доказывает, что писались подобные ходатайства от имени всех калмыков, проживавших в поселке, в том числе сирот, детей и взрослых, не желавших оставлять православия, и утверждались Консисторией без всякой административной проверки.

Миссионер даже уверял, что если бы на кулевчинских калмыков не оказывалось давление со стороны их буддистского наставника Я. Кубиюна, то они снова возвратились бы в православие. Для убедительности, он ссылался на случаи, когда умиравшие калмыки выражали желание быть напутствованными и похороненными по обрядам православия. Но ламаистские вожаки всегда препятствовали таким желаниям, скрывали их от православных соседей и по калмыцким обычаям оставляли умирающего в одиночестве²⁹.

Как действия, направленные на окончательное разрушение православных устоев, И. Харитонов рассматривает стремление ламаистских активистов из Кулевчинского и Измаильского поселков добиться от властей разрешения на строительство буддо-ламаистских храмов. Последствием их учреждения, по мнению миссионера, станет «неудержимая пропаганда буддо-ламаизма... Принуждение к его принятию. Сокращение, не стесняясь ни с какими методами обмана, насилия, обольщения, обещания разных выгод, удобств и т.п. Разрешение на постройку дацана (храма) дает повод думать и говорить калмыкам-отступникам, что правительственная власть сочувственно относится к отступническому движению среди калмыков, чем, несомненно, усилит это движение». В качестве основания для отказа на возведение ламаистского храма Харитонов ссылается на предписание из ст. 55 VII тома Епархиального устава: «Для постройки молитвенного дома для нехристиан требуется не менее двухсот душ мужского пола». В то время как в указанном просителями районе на тот момент проживали всего 57 калмыков-ламаистов³⁰.

Ревностный миссионер направил письмо на имя наказного атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта М.С. Тюлина, в котором просил сделать соответствующее распоряжение, чтобы поселковые и станичные атаманы не регистрировали в метрических книгах «события рождения, брачных союзов и смерти как в законных семействах калмыков-казаков, кои официально получили отписку на отпадение от православия. И вообще, не оказывали бы содействия в деле пропаганды ламаизма»³¹. А в рапорте к своему непосредственному начальнику, епископу оренбургскому и тургайскому Мефодию, он и вовсе предлагал инициировать запрет на прием у калмыков ходатайств на смену исповедания. Миссионер доказывал, что объявляя о своей приверженности к буддизму, калмыки лишь ищут «лазейку», чтобы уклониться от исполнения обрядов и уставов православной церкви³².

Безусловно, запретить калмыкам воспользоваться законным правом на смену вероисповедания ни епархиальные, ни казачьи власти были не правомочны. Тем не менее, давление, оказываемое со стороны окружного миссионера, и отсутствие руководящих

²⁸ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 231 об.

²⁹ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1914 г. С. 7.

³⁰ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 231.

³¹ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 149. Л. 127-128; Д. 171. Л. 22.

³² Там же. Д. 149. Л. 147.

предписаний со стороны правительства, создавали затруднения как для принятия решения о признании калмыков буддистами, так и для наделения буддистских общин правовым статусом религиозной организации.

В итоге оренбургские калмыки оказались в правовом вакууме. Им больше не приходилось скрывать свое истинное вероисповедание. Они получили возможность общаться со своими единоверцами и даже наладили контакты с духовными руководителями российских буддистов. Но, оставаясь казаками Оренбургского казачьего войска и проживая на его территории, они были ограничены в реализации своих гражданских прав и религиозных потребностей. Первое касалось регистрации актов гражданского состояния, второе – возможности отправления культа по канонам буддизма (ламаизма). На всероссийском уровне разработкой закона об устройстве духовного быта буддистов занималось Временное правительство. С его принятием правовая определенность распространилась бы и на оренбургских буддистов. Но с установлением Советской власти ни о каком законе, обеспечивающем право на вероисповедание, не могло быть и речи.

LEGALIZATION OF BUDDHISM IN ORENBURG COSSACK TROOPS (1906-1917)

S.V. DZHUNDZHUZOV

*Orenburg State Pedagogical
University*

e-mail: Djund@yandex.ru

The article studies the problems of the confessional organization of the Cossacks-Kalmucks of Orenburg Cossack Troops, who achieved the permission to transfer from the Orthodoxy into Buddhism (Lamaism). The lack of leading directions of the Government and pressure of the Eparchial Committee of the Orthodox Missionary Society made it difficult to grant the legal status of religious organization to the Buddhist communities. That is why Orenburg Buddhists were limited in their civil rights and religious needs.

Keywords: Buddhism (Lamaism), the Kalmucks, the Cossacks, Orenburg Cossack Troops, denomination, missionary